

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ

Вергун Т.В.¹, Воронина Т.Н.²

¹Филиал ФГБОУ ВПО «Российский государственный социальный университет» в г. Ставрополе, Ставрополь, e-mail: stavoropol@rgsu.net;

²Ставропольский филиал ФГКОУ ВПО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», Ставрополь, Россия (355035, г. Ставрополь, пр. Кулакова, 43), e-mail: sfku@mvd.stavedu.ru

---

В статье рассмотрены особенности формирования региональных элит. Попытка рассмотрения элит в исторической ретроспективе показывает, что вариативность подходов к пониманию элиты связана, прежде всего, с развитием социальной структуры общества. Вначале появляется властная элита, затем по мере дифференциации общества, появляются группы, ориентированные на выражение интересов определенных слоев населения, то есть политическая элита. Отмечается, что основным результатом эволюции региональных элит является повсеместное признание их решающей роли в новой парадигме российской политики. Сделан вывод о том, что значимой особенностью региональных элит является их довольно жесткая иерархичность, ориентация на персоны, будь то руководитель регионального отделения политической структуры или же влиятельное лицо в руководстве субъекта. Региональные элиты оказывают влияние на консолидацию общества посредством продвижения программ в правительстве регионов, а также посредством различных культурных мероприятий, способствующих формированию стабильного социума.

Ключевые слова: региональные элиты, политические отношения, регионалистика, теория элит, классификация моделей элит, элита.

FEATURES OF FORMATION OF REGIONAL ELITE

Vergun T.V.¹, Voronina T.N.²

¹FGBOU VPOS branch «Russian state social university» in Stavropol, Stavropol, e-mail: stavoropol@rgsu.net;

²Stavropol branch of FGKOU VPO «Krasnodar university of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation», Stavropol, Russia (355035, Stavropol, Kulakov Ave., 43), e-mail: sfku@mvd.stavedu.ru

---

In article features of formation of regional elite are considered. Attempt of consideration of elite in a historical retrospective shows that variability of approaches to understanding of elite is connected, first of all, with development of social structure of society. In the beginning there is an imperious elite, then in process of differentiation of society, there are groups focused on expression of interests of certain segments of the population, that is political elite. It is noted that the main result of evolution of regional elite is universal recognition of their crucial role in a new paradigm of the Russian policy. The conclusion that significant feature of regional elite is their quite rigid hierarchy, orientation on persons, whether it be the head of regional office of political structure or the man of weight in the guide of the subject is drawn. Regional elite has impact on consolidation of society by means of promotion of programs in the government of regions, and also by means of various cultural actions promoting formation of stable society.

Keywords: regional elite, political relations, regionalistiks, theory of elite, classification of models of elite, elite.

Исследуя понятие «региональные элиты» следует отметить, что под последними обычно понимается совокупность независимых друг от друга профессионально подготовленных лидерских групп, ориентированных в отпращивании власти на интересы конкретных регионов и пользующихся в них определенным престижем, соответствующему объему институционального влияния и уровню активного участия во всех значимых процессах общества. Как правило, политическая реальность предстает в двух различающихся состояниях: во-первых, она существует как взаимодействие, функционирование государств, например, СНГ, партий, институтов, их облеченных властью

полномочных руководителей, во-вторых, это сложная цепь действий, контактов людей и их сообществ со своими специфическими мотивами, основаниями и результатами. Отражением этого положения служит наличие в политологии двух аспектов: институционального, сосредоточивающего внимание на анализе организационной, структурной стороны политических отношений, и поведенческого, смысл которого заключается в представлении политики именно как системы действий людей и их последствий.

Демократические тенденции и в устройстве России является основным условием переосмысления структуры интеллектуальной сферы общества [4]. Признание значимости элиты демократического общества актуально для формирования менталитета России. Разнообразная структура элит обусловлена сложной социальной структурой общества, выделяют политическую элиту, финансовую, элиту, военную элиту, научную элиту.

Общество не может быть социально однородным, и как только начинает ощущаться эта неоднородность, то мы сразу же сталкиваемся с теми, у кого есть власть и с теми, кем нужно руководить. Проблемами элитологии, занимались многие ученые, которые пытались объяснить этот феномен, дать типологию, классифицировать элиты.

Наиболее ценное, в научном отношении, а также наиболее распространенное определение элиты мы находим у Г.К. Ашина [1] в работе «Современные теории элит: критический очерк». В данном исследовании он рассматривает распространенные теории, дает критический анализ и, в итоге, все существующие определения «элит» выделяет в три группы.

Во-первых, элита, это меньшинство, обладающее монополией на власть, на принятие решений относительно содержания и распределения основных ценностей в обществе.

Во-вторых, это наиболее активные в политическом отношении люди, ориентированные на власть, а также осуществляющие важные функции в обществе.

И, в-третьих, к элите относятся лица, получившие высший показатель в своей деятельности, обладающие интеллектуальным или моральным превосходством над массой, наивысшим чувством ответственности.

Во всех трех группах четко просматривается, что элита – это все же избранная, выделяющаяся какими-либо качествами группа людей в обществе, и, имеющая по сравнению с основной массой общества определенные привилегии.

Еще в 1979 году вышла в свет монография «История буржуазной социологии XIX – начала XX веков» [6], в которой рассмотрены основные концепции теории элит. Так, например, определение первой группы, предложенное Г.К. Ашиным, мы встречаем в трудах Мангейма, Этциони, Дайя, определение второй группы, – в теориях Моска, Келлера, Дюпре, третьей группы – в теориях Парето, Ортега-и-Гассета.

Попытка рассмотрения элит в исторической ретроспективе показывает, что вариативность подходов к пониманию элиты связана, прежде всего, с развитием социальной структуры общества. Вначале появляется властная элита, затем по мере дифференциации общества, появляются группы, ориентированные на выражение интересов определенных слоев населения, то есть политическая элита.

Среди методологических принципов, на которые следует опираться при изучении элит, выделим принцип социальной детерминации элит, содержание которого основывается на системе объективных факторов, обуславливающих дальнейшее развитие и рост этих факторов в социальном развитии. К числу факторов относим: во-первых, антропологическое неравенство, то есть различные способности и склонности людей к управленческой деятельности; во-вторых, профессионализация управленческого труда; в-третьих, социальная значимость управленческой работы, обуславливающая стратификацию и стимуляцию этой деятельности; в-четвертых, ассиметричное разделение распорядительных и контрольных функций в социальном управлении; в-пятых, узко избирательные формы политической активности широких масс населения и преобладание их политической и управленческой пассивности. Названные факторы имеют длительную и модифицирующуюся важность.

Вторым принципом, используемом при изучении элит, является принцип цивилизованного своеобразия. Суть этого принципа заключается в специфике механизмов регулирования элит и контр элит, особенностях властного поведения элит, социально-культурных характеристиках соотношений различных видов социального управления.

В исследовании Е.М. Харитонova «Кратическое поведение: социальный анализ» выставлен акцент на то, что в процессе предцивилизационного и цивилизационного развития кратическое поведение эволюционирует от «силовой модели» к институционной «рыночной модели» и «игровой модели». Учет принципа цивилизационного своеобразия позволяет соотносить развитие и смену элит России с особенностями ее исторического развития и политического управления, традициями, а также ментальными и аксиологическими архетипами [9].

Не менее важным является принцип идеалов и норм научной рациональности [7]. Прежде всего, он означает признание равноправия и плюрализма различных моделей элит. В результате диалога между представителями различных моделей элит является взаимная дополнительность или конвергенция. Существующие классификации различных моделей элит можно упорядочить с тем, чтобы менее определенный термин «модель» мог бы быть употреблен с большим основанием. Модель включает в себя несколько разновидностей концепций. Традиционно выделяют следующие: во-первых, поведенческая модель элит, которая ориентирована на изучение различных механизмов кратического поведения; во-

вторых, социокультурная модель элит, исходящая из анализа особенностей цивилизационного развития; в-третьих, структурно-функциональная модель, выводящая признаки и особенности элит исходя из структурно-функционального анализа общества; в-четвертых, социально-конфронтационная модель, в которой развитие общества в целом или отдельной локальной цивилизации строится на основе представления о ведущей роли социальной конфронтации в истории. Названные модели выступают базовыми и взаимодействуют между собой, определяя способы и методы эмпирического вычленения элит и их признаков. Особенностью каждой модели является тот момент, что выделяется какой-то аспект или уровень анализа элит в качестве ведущего, от чего зависит какие источники информации и методы ее обработки задействуются.

В современной российской элитологии доминирует структурно-функциональная модель, ориентирующая на анализ социально-статусных и деятельностных особенностей элит. Это обусловлено тем, что прежде чем изучать ментальные и поведенческие уровни элит, необходимо их выделить, описать, классифицировать.

Рассматривая региональные элиты следует отметить, что под последними обычно понимается совокупность независимых друг от друга профессионально подготовленных лидерских групп, ориентированных в отправлении власти на интересы конкретных регионов и пользующихся в них определенным престижем, соответствующему объему институционального влияния и уровню активного участия во всех значимых процессах общества [3].

Как правило, политическая реальность предстает в двух различающихся состояниях: во-первых, она существует как взаимодействие, функционирование государств (например, СНГ), партий, институтов, их облеченных властью полномочных руководителей, во-вторых, это сложная цепь действий, контактов людей и их сообществ со своими специфическими мотивами, основаниями и результатами. Отражением этого положения служит наличие в политологии двух аспектов: институционального, сосредоточивающего внимание на анализе организационной, структурной стороны политических отношений, и поведенческого, смысл которого заключается в представлении политики именно как системы действий людей и их последствий.

В отечественной обществоведческой традиции отмечается формирование политической системы в России, как на федеральном, так и на региональном уровне связано с постепенным приобретением политическими отношениями ряда существенных признаков. В числе которых выделяются: во-первых, устойчивая взаимозависимость различных элементов политической жизни; во-вторых, упорядоченность политических отношений, наличие оптимального сочетания их стабильности и развития; в-третьих, иерархия

ценностей, совокупность политических символов, убеждений, принятых членами политической общности; в-четвертых, совместное реагирование всех элементов системы на внешнее воздействие. В российской действительности формирование структуры политической системы, выпавшее на период постсоциалистической социальной трансформации, во многом носило стихийный характер. Функцию несущей конструкции взяли на себя региональные элиты в своих устремлениях надолго закрепить свое положение, полученное посредством «парада суверенитетов», не допустить нового перераспределения ресурсов.

В отечественной элитологии обычно выделяют три периода в постперестроечной эволюции регионального лидерства. Для первого периода характерно накопление лидерами различных политических ориентаций опыта политической борьбы, адаптации к работе в новых социально-экономических условиях. Для второго периода характерно перемещение региональных лидеров в центр общероссийской политики, обретение ими значимой автономии, это так называемый период институционализации лидерства как центра проведения региональной «политики с мест». И, наконец, третий период обозначен началом формирования определенного политического пространства, на одном полюсе которого находится стремление региональных лидеров узаконить право распоряжаться региональными ресурсами через корпорации, а на другом находится усиление бюджетного воздействия федерального центра на жизнь регионов.

Как бы в дальнейшем не сложилась политическая судьба региональных элит, это уникальное образование довольно длительный период будет определять характер социально-экономических и политических преобразований в стране.

В научном плане сравнительный анализ региональных элит является вполне самостоятельным направлением новой отрасли политологии – политической регионалистики [5]. Анализ социальных изменений в России, по оценкам М. Догана и Д. Пеласси, с помощью сравнительных методов дает наилучшую возможность познать их во всей сложности и многообразии. Нет ничего удивительного поэтому в том, что к успешно развивающейся в стране сравнительной политической социологии, сравнительной политологии пробивается и такое междисциплинарное образование как сравнительная политическая регионология. Это наиболее перспективная составляющая политической регионалистики.

Сравнительная политическая регионология на современном этапе выступает как совокупность междисциплинарных политических исследований, главным образом эмпирического характера, лишь заявляющих о своей имеющейся субдисциплинарности через специфику метода и знаний о региональной политике в рамках федеративного государства.

Ее проводником является возросший интерес к региональным политическим процессам в целом, а термин «региональная элита» по отношению к ним является стратегическим.

Практически подтвердилась гипотеза конца 80-х годов XX века о «врастании номенклатуры в новую элиту». Ее теоретическое обоснование изложено Д. Бадовским и А. Шутовым [2] в своем исследовании «Региональные элиты в постсоветской России: особенности политического участия», о конвертации могущества номенклатурной корпорации в экономическую и политическую власть постсоветской России. В свою очередь О. Крыштановская, наглядно проиллюстрирует конвертацию элитами своей власти в собственность [8]. Чуть позже еще один исследователь М. Чешков проследил и показал обратный процесс превращения собственности во власть [10]. В конечном итоге, популярная, на определенном этапе, теория трансформации номенклатуры, сыгравшая роль веского мотива и в научном и в политическом процессах, не обнаружила сути эволюции элит, а только лишь модифицировала суждения о вечности номенклатуры.

В условиях нынешней реальности основным результатом эволюции региональных элит является повсеместное признание их решающей роли в новой парадигме российской политики. Вектор дальнейшей их модификации довольно поливариантен, но при любых сценариях путь трансформации региональных групп в более значимое сообщество региональных элит, будет проходить через достижение компромиссов по существенным разногласиям во взаимодействии элит многообразного уровня. Развитие системы отношений федеральных и региональных элитных групп является определяющим при характеристике современного этапа трансформации правящего класса. При этом узловыми тенденциями выступают: возрождение аппаратного господства, интеграция политических и экономических группировок, продолжающиеся процессы регионализации элит. Консолидация этого класса осуществляется в первую очередь на региональном уровне, именно здесь наиболее ярко проявляются названные тенденции.

Особая роль экономических противоречий в системе отношений федеральных и региональных правящих групп связана с тем, что через центральные правительственные органы и систему личных взаимосвязей на уровне федеральной правящей элиты некоторые межрегиональные экономические субъекты имеют возможность осуществлять свое политическое влияние в регионе. К тому же, в условиях возрастания политической самостоятельности регионов центральные власти в последнее время все чаще ограничены в своем влиянии на местные власти, а региональный политический процесс оказывался полностью монополизирован региональной правящей элитой. Экономический канал давления на администрацию региона становился определяющим. Само политическое проникновение центральных властей в регион возможно, в первую очередь, благодаря

контролю над экономическими и финансовыми ресурсами и решениями. Союз же между предприятиями, отраслями, иными экономическими субъектами и центральной политической элитой является наиболее эффективным способом осуществления такой стратегии.

Нацеленность региональных правящих элит на политическую самостоятельность, сменяется акцентом на достижение экономической самостоятельности. Однако последняя, чаще понимается не как формирование закрытого и самодостаточного рынка, но как овладение контролем над экономическими ресурсами и экономическими решениями.

Достижение этой цели может привести к двум последствиям. Во-первых, интеграция политических и экономических элитных групп будет осуществлена, прежде всего и в основном, на региональном уровне. Во-вторых, процесс консолидации нового правящего класса не сможет быть обеспечен в масштабах всей страны. Ключевой особенностью новой российской элиты является то, что она представляет собой конгломерат закрытых и во многом самодостаточных региональных структур. При этом федеральная правящая элита не только не консолидирована, но не является объединяющей структурой правящего класса в масштабах всей страны. В этих условиях деструктивный потенциал процессов дезинтеграции компенсируется исключительно незаинтересованностью именно экономических элит в разрушении экономической инфраструктуры и ее регионализации.

Характеристика современного этапа регионального развития как системы отношений, основанной на политизации регионами собственных экономических требований, тем не менее, недостаточна. Стремление региональных элит приобрести политическую и экономическую самостоятельность сталкивается с фактом все большего умножения и дифференциации как федеральных, так и региональных элитных групп, участвующих в определении тенденций и характера развития тех или иных территорий.

Таким образом, значимой особенностью региональных элит является их довольно жесткая иерархичность, ориентация на персоны, будь то руководитель регионального отделения политической структуры или же влиятельное лицо в руководстве субъекта. Они действуют, скорее, как институт содействия одного из первых лиц политического истеблишмента региона. Это предопределяет клановый характер взаимоотношений, стремление обособиться, негативные ожидания от новых политиков, которые рассматриваются, прежде всего, как конкуренты в борьбе за влияние на Центр. Следствием клановой модели политического поведения региональных элит является все более глубокое разделение элиты на правящую и политическую. Параллельно происходит влияние на консолидацию общества посредством продвижения программ в правительстве регионов, а

также посредством различных культурных мероприятий, способствующих формированию стабильного социума.

Список литературы

1. Ашин Г.К. Современные теории элит: критический очерк. – М., 1985. – С 83-85.
2. Бадковский Д., Шутов А. Региональные элиты в постсоветской России: особенности политического участия // Кентавр. – 1995. - №6. - С.4-7.
3. Бакланов И.С., Бакланова О.А., Авдеев Е.А. Знание в современных социальных процессах: прагматический и экзистенциальный аспект // Современные проблемы науки и образования. - 2014. - № 3. - С. 673.
4. Гончаров В.Н. Общественная информации: к проблеме концепций в современной науке // Фундаментальные исследования. - 2014. - № 1-1. - С. 200-203.
5. Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология. Пер. с англ. // Социально-политический журнал. - 1994. - С.10-15.
6. История буржуазной социологии XIX –начала XX века. – М., 1979. – С. 58-60.
7. Колосова О.Ю., Несмеянов Е.Е. Социокультурные трансформации в условиях глобализационных процессов // Фундаментальные исследования. - 2015. - № 2-14. - С. 3201-3204.
8. Крыштановская О. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту. // Общественные науки и современность. – 1995. – № 1. - С. 15-16.
9. Харитонов Е.М. Кратическое поведение: социальный анализ. Автореф. дис. на соиск. учен. степен. канд. социол. наук. Ростов-на-Дону, 1995. – 16 с.
10. Чешков М. «Вечно живая» номенклатура? // Мировая экономика и международные отношения. - 1995. - № 6. - С. 31-33.

Рецензенты:

Бакланов И.С., д.ф.н., доцент, профессор кафедры Гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь;

Гончаров В.Н., д.ф.н., доцент, профессор кафедры философии Гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь.